

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

МЯСНИКОВА КИРА АЛЕКСАНДРОВНА

**ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ
НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ 1950-Х ГОДОВ
В ТВОРЧЕСТВЕ УЧАСТНИЦ ЛИТЕРАТУРНОЙ «ГРУППЫ 47»**

5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени кандидата
культурологии

Москва 2024

Работа выполнена на кафедре немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель:

Захаров Владимир Владимирович
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: Изотова Надежда Николаевна

доктор культурологии, доцент, ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», профессор кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков

Симонова Светлана Анатольевна

доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», профессор кафедры философии и гуманитарных наук

Зусман Валерий Григорьевич

доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», научный руководитель филиала в Нижнем Новгороде, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных наук

Защита диссертации состоится «25» апреля 2024 года в 16:00 часов на заседании диссертационного совета МГУ.058.1-1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект д. 27) и на сайте ДС МГУ: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/2933>

Автореферат разослан «___» _____ 202__ г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

И.В. Одинцова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию западногерманской культуры памяти 1950-х годов и проблемам ее формирования в творчестве участниц литературной «Группы 47».

Не все исторические события находят одинаковое отображение в памяти следующих поколений – воспоминания о некоторых событиях оказываются более интенсивными, какие-то воспоминания предаются забвению, кроме того, в памяти сохраняются не только положительные воспоминания, но и образы критических, болезненных событий прошлого – катастроф, революций, войн, которые для будущего нередко оказываются важнее позитивной памяти. Повышенный интерес к вопросам памяти проявляется в Германии, где в последние годы с новой силой разгорелась общественная дискуссия о сохранении памяти и ее роли в формировании культурной идентичности тех поколений, для которых Вторая мировая война оказалась уже не историей, а памятью. Именно в немецком обществе во второй половине XX века остро встал вопрос критического восприятия и оценки прошлого – все эти аспекты объединило понятие «культура памяти» (нем. *Erinnerungskultur*).

Актуальность исследования обусловлена возросшим в последние годы интересом к проблематике коллективной памяти, вопросам сохранения, передачи и интерпретации воспоминаний о трагедиях прошлого, представляющих собой культурные травмы для общества. Воспоминания о травматических событиях прошлого, которые общество не до конца проработало, в силу возникающей асимметрии памяти наиболее подвержены искажениям, что нарушает механизмы работы коллективной памяти и способствует ценностной и мировоззренческой разобщенности. Исследование механизмов работы коллективной памяти и инструментов проработки культурных травм позволяет предотвратить забвение и манипуляции воспоминаниями о травматических событиях истории.

Степень научной разработанности проблемы. Теоретическая разработка концепции культуры памяти и изучение немецкой *Erinnerungskultur* представлены в трудах Я. Ассмана, А. Ассман, Б. Зондергельда, Э. Вольфрума, К. Корнелиссена,

Б. Фауленбаха, Г. Хокертса, А. Эрл. Память как феномен культуры рассмотрена в работах Г.В. Лебедевой и М.Л. Шуб. Забвение как реакция на культурную травму исследовалось в трудах Дж. Александера, Ф.Р. Анкерсмита, А. Маргалита, П. Рикёра, Й. Рюзена, Н. Смелзера, П. Штомпки. Особенности западногерманского общества 1950-х годов, памяти о войне и восприятию прошлого посвящены работы В. Ленгсфельд, Г. Люббе, М. Флакке, К. Фолльнхальса, Н. Фрая, Ю. Шеррер, У. Шмигельт, Й. Эхтернкампа.

«Группу 47» как явление культурной и общественно-политической жизни ФРГ исследовали Е.А. Зачевский, Е.С. Москалева, Х. Бёттигер, Н. Вебер, А. Молитор, Д. Лоренц, В. Лундиус, И. фон дер Люэ. Мемориальные аспекты творчества участниц «Группы 47» затрагивались в работах К. Ахбергер, М. Албрехт, К. Бартш, М. Бен-Хорин, Г. Броккоф-Маух, К. Деккер, С. Фэсслер, П. Грини, Т. Хэтцер, Г. Хёллера, К. Иванович, Л. Джефферри, М. Кланска, Х. Шрекенбергер, К. Ванхагендорен, Дж. Уилкеса.

Объектом исследования является специфика западногерманской культуры памяти 1950-х годов.

Предмет исследования – формирование культуры памяти 1950-х годов и отражение ее трансформации в западногерманской литературе на примере творчества ведущих участниц «Группы 47».

Целью данной диссертационной работы является выявление специфики формирования послевоенной культуры памяти ФРГ и ее отражения в творчестве участниц литературного объединения «Группа 47» в 1950-е годы.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) раскрыть особенности памяти и забвения как социокультурных феноменов, лежащих в основе культуры памяти;
- 2) установить взаимосвязь памяти/забвения и культурной травмы, рассмотрев памятование и забвение как возможные реакции на травму прошлого;
- 3) рассмотреть специфику западногерманской культуры памяти в первое послевоенное десятилетие (1950-е годы), выделив основные характеристики *Erinnerungskultur* на данном этапе;

4) определить значение литературной «Группы 47» для развития западногерманской культуры памяти, проанализировав творчество участниц объединения с точки зрения их отношения к феноменам памяти/забвения;

5) выявить характерные черты западногерманской культуры памяти 1950-х годов, проявляющиеся в творчестве участниц «Группы 47», и определить направления критики *Erinnerungskultur* в их произведениях.

В основе исследования лежит следующая **гипотеза**: в своей художественной деятельности участницы «Группы 47» в 1950-е годы пытались трансформировать ценности современного им общества, сформировать новый взгляд на события прошлого, поскольку осмысление прошлого посредством литературы позволяло им «очеловечить» трагический опыт Второй мировой войны. Литературное творчество представительниц «Группы 47» было не столько средством коммеморации, свидетельством прошлого, сколько инструментом «лечения», «терапевтической» проработки культурной травмы, отразило взгляд участниц объединения на сложившуюся в послевоенном обществе культуру памяти и послужило стимулом к трансформации культуры памяти в 1960-е годы.

Цель и задачи исследования обусловили используемый методологический инструментарий: в диссертации использовались как философские (базовые) и общенаучные, так и конкретно-научные **методы** исследования: методы анализа и синтеза, описательный метод и метод системного анализа, герменевтический метод, метод реконструкции культурных полей и метод культурогенеза.

Методологической основой исследования стали работы М. Хальбвакса, Я. Ассмана, А. Ассман, Дж. Александера, Ф. Анкерсмита, А. Эрл и других ученых в области изучения памяти, забвения и травмы. Наше исследование основано на междисциплинарном подходе, в связи с чем в нем были использованы термины и понятия, разработанные не только в культурологии, но и в социологии, психоанализе, *memory* и *trauma studies*. В основу нашего исследования лег функциональный подход к изучению коллективной памяти, представители которого (М. Хальбвакс, М. Мосс и др.) рассматривали память через призму социальных рамок группы, к которой принадлежит индивид.

В силу специфики предмета исследования мы опирались на работы А. Эрл, которая изучала функции литературы в сохранении памяти. Мы обратились к литературному анализу, который в культурологической традиции *memory studies*, в отличие от методов, применяемых в литературоведении, позволяет рассмотреть художественные произведения в качестве носителей и трансляторов коллективной памяти. Кроме того, был задействован методологический инструментарий исследований травмы (*trauma studies*), использованный в трудах культуросоциологов Дж. Александера, П. Штомпки, Н. Смелзера, а также А. Ассман и Ф. Анкерсмита.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней подвергнуты систематизированному культурологическому анализу особенности формирования немецкой культуры памяти 1950-х годов; раскрыта специфика творчества участниц «Группы 47» как способа постижения настоящего через коллективные воспоминания, средства не только коммеморации и репрезентации прошлого, но и терапии и проработки культурной травмы; в материал исследования включены тексты художественных произведений (повести, рассказы, радиопьесы), дневниковых записей и интервью участниц «Группы 47», не переведенные на русский язык и не привлекавшиеся прежде к научному анализу в отечественных гуманитарных исследованиях.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нем было уточнено понятие культуры памяти, с культурологической точки зрения раскрыто состояние культуры памяти западногерманского общества в 1950-е годы, на базе подходов *memory studies* и *trauma studies* разработан инструментарий исследований литературных произведений, примененный для анализа культуры памяти на материале творчества участниц «Группы 47».

Практическая значимость состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в специализированных курсах теории и истории культуры, страноведения (культуры Германии), истории немецкоязычной литературы XX века для студентов, обучающихся по направлениям подготовки Культурология, Филология, Регионоведение, а также внедрены в новые

образовательные программы, посвященные мемориальным исследованиям, сохранению и передаче культурного наследия.

Материалом исследования стали художественные произведения (романы, сборники рассказов и стихотворений, радиопьесы) авторов литературной «Группы 47» И. Бахман, И. Айхингер и других писателей, участвовавших в собраниях объединения в 1950-е годы, а также их мемуары, дневники, интервью.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Культура памяти как социокультурное явление, отражающее специфику восприятия и оценки прошлого, позволила восстановить преемственность культурных ценностей в послевоенном западногерманском обществе, нарушенную после слома нацистским режимом немецкого культурного кода в 1930-е – 1940-е годы.

2. Формирование культуры памяти ФРГ в 1950-е годы осложнялось из-за необходимости проработки и преодоления культурной травмы и возникшего в обществе после войны ценностного раскола, отражением которого стало забвение и «коллективное умолчание» 1950-х годов.

3. Для послевоенной культуры памяти ФРГ творчество авторов литературной «Группы 47» стало инструментом проработки культурной травмы, позволившим частично устранить асимметрию памяти о Второй мировой войне в западногерманском обществе.

4. Творчество австрийских участниц «Группы 47» Ильзе Айхингер и Ингеборг Бахман, несмотря на национальную специфику, наиболее остро обозначило проблемы культуры памяти ФРГ в 1950-е годы: отношение писательниц к войне и их восприятие нанесенной ею культурной травмы давали им возможность более жесткой критики сложившейся культуры памяти.

5. В творчестве участниц «Группы 47» прослеживается критика основных черт западногерманской культуры памяти 1950-х годов: память о войне и преступлениях прошлого передается огласке, забвение критикуется как потенциально опасное с точки зрения повторения прошлого, заостряются вопросы

вины и ответственности за прошлое, оспаривается господствовавший жертвенный нарратив, рассматривавший в качестве главных «жертв» войны самих немцев.

Обоснованность и достоверность выводов. В исследовании используются релевантные методы и опора на источники на оригинальных языках и широкий круг научной литературы, включающей как классические, так и актуальные публикации, что позволяет получить обоснованные выводы.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования нашли отражение в одиннадцати научных работах автора, в том числе семи статьях, четыре из которых опубликованы в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Теоретические положения и выводы диссертационного исследования были изложены и апробированы в рамках девяти научных конференций, в том числе: на XXIX и XXX Международных научных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 2022 и 2023 г.), на Международной научной конференции «Национально-культурные коды мировой литературы в контексте аудиовизуальных практик искусства» (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, 2022 г.); на V Международной научной конференции «Германистика 2022: Nove et nova» (МГЛУ, Москва, 2022 г.); на II Международной научно-практической конференции Совета молодых ученых МГЛУ «Инязовские чтения – 2023» (МГЛУ, Москва, 2023 г.), на IV Международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов «Идентичность и коммуникация в условиях кризиса диалога культур» (МГЛУ, Москва, 2023 г.); на Международной междисциплинарной научной конференции «Механизмы культуры: скрытое и очевидное-2023 (на материале русской и мировой культуры)» (РАНХиГС, Москва, 2023 г.).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из Введения, трех глав, 12 параграфов, Заключения, списка литературы и источников, включающего 205 наименований на русском, английском и немецком языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обозначены актуальность выбранной темы и степень ее разработанности, определены цели, задачи, объект и предмет исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методология диссертационного исследования, и сформулированы гипотеза исследования и положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** диссертационного исследования изучены теоретико-методологические основания исследования культуры памяти. Первый параграф «Феномен памяти как предмет исследования в культурологии» посвящен понятию «память» в социально-гуманитарных науках и особенностям изучения данного феномена в культурологии. В параграфе память охарактеризована как феномен духовной культуры, являющийся носителем культурной информации и неотъемлемой частью механизмов наследования культурных ценностей и смыслов. Рассмотрение памяти как культурного феномена в исторической перспективе позволило выделить два основных подхода к пониманию памяти в культурологии: классическая парадигма трактует память как статическое «хранилище прошлого», а в рамках неклассической парадигмы память описывается как «ретроактивный процесс», имеющий множество видов и форм. Это определяет многообразие методологических концепций и подходов к памяти в культурологии, которая изучается в ее связи с механизмами культурного наследования как хранилища культурных смыслов и формы их передачи и актуализации, конструированием прошлого через механизмы памяти, формированием коллективной и индивидуальной идентичности посредством различных культурных и социальных практик, связанных с коммеморацией и т.д. В параграфе также рассмотрены понятия «индивидуальная память», «социальная память», «коллективная память» и «историческая память», выделены их различия и определено наиболее всеобъемлющее в отечественной науке понятие – «историческая память».

Во втором параграфе «Понятие *Erinnerungskultur* в мемориальных исследованиях» мы обратились к понятию «культура памяти» и определили его место в современных *memory studies*. В третью волну мемориальных исследований

понятие «культура памяти» стало одним из ключевых для *memory studies*, хотя изначально оно сформировалось в Германии на рубеже 1980-1990-х годов для обозначения проявлений коллективной памяти в отношении событий Второй мировой войны. В параграфе рассмотрены определения, которые дают понятию *Erinnerungskultur* немецкие культурологи и историки, выявлены особенности формирования представлений о культуре памяти в мемориальных исследованиях XX века (исследования М. Хальбвакса о коллективной памяти, «места памяти» П. Нора, «культурная память» Я. Ассмана, теория культуры памяти А. Ассман). Сегодня изучение *Erinnerungskultur* включает исследования памяти и о других трагедиях и исторических травмах XX века (Первая мировая война, геноцид армян, Холокост, распад СССР), однако немецкие историки К. Корнелиссен и Б. Фауленбах подчеркивают, что для современной немецкой культуры памяти центральным событием остается Вторая мировая война. Кроме того, *Erinnerungskultur* многослойна и неоднородна, что иллюстрирует наличие частной культуры памяти, культуры памяти ФРГ и ГДР и т.д.; в ней преобладает негативная память (память о войнах, катастрофах, поражениях). При этом она носит транснациональный характер, т.к. культура памяти ФРГ не может быть оторвана от культур памяти других государств.

В третьем параграфе «Забвение как реакция на культурную травму» исследован феномен забвения. Исторически было сформировано негативное восприятие забвения, которое трактовалось как противоположность памяти, незнание, но на рубеже XIX-XX веков произошла смена ведущей парадигмы понимания феномена памяти с классической на неклассическую, в рамках которой феномен забвения был реабилитирован. Начиная с работ Ф. Ницше, забвение стало пониматься не просто как оппозиция памяти, а как неотъемлемая, а в некоторых концепциях даже важнейшая часть воспоминания. Наибольший интерес для нас представляют концепции А. Ассман, развившей и дополнившей идеи Ф.Г. Юнгера, и Ф.Р. Анкерсмита, разграничивавшего типы забвения на основании их связи с категорией культурной травмы. В мемориальные исследования категория травмы была перенесена из психоанализа, но впоследствии представители

культурсоциологии выступили с критикой психоаналитического понимания культурной травмы и предложили концепции, в рамках которых культурная травма понимается не как событие или его образ, а как сформировавшийся в обществе нарратив об этом событии.

Культурная травма может вызывать разнообразные реакции в обществе – от обострения и гиперболизации памяти до радикального отказа от памяти, забвения. Забвение необязательно связано с культурной травмой и травматическими событиями прошлого, так же, как и реакция общества на культурную травму не всегда принимает форму забвения, однако на пересечении этих категорий возникают наибольшие сложности в понимании феномена забвения и его функций. Мы сравнили представления о забвении как реакции на культурную травму в работах уже упоминавшихся Ф.Г. Юнгера, А. Ассман, а также Х. Вельцера, А. Маргалита и других исследователей памяти/забвения, уделив наибольшее внимание концепции забвения, предложенной А. Ассман в работе «Забвение истории – одержимость историей» (2019).

Четвертый параграф «Травматическое прошлое и память жертв: образ жертвы в культуре» посвящен феномену жертвы в культуре и связи жертвы с рассмотренными категориями памяти и забвения, культурной травмы и травматического прошлого. В параграфе рассматривается образ жертвы в культуре и его трансформация: жертва и жертвоприношение можно отнести к основополагающим культурным феноменам, сформировавшимся одновременно или практически одновременно с самой культурой. Мы обратились к концепции культурной травмы Дж. Александера, который связал виктимизацию и репрезентацию образов жертв в культуре с процессом травматизации и культурной травмой. Взаимосвязь понятий *травма* и *жертва* также выявлена в исследовании культуры памяти А. Ассман, где возникает понятие памяти жертв (*Opfergedächtnis*). Важным аспектом культуры памяти для А. Ассман является этическая плоскость, в связи с чем помимо уже ставших классическими для *memory studies* оппозиций *коллективная память – индивидуальная память* А. Ассман вводит новые оппозиции, в том числе противопоставление *память преступников –*

память жертв, внедряя морально-этический компонент в мемориальные исследования и отмечая включение памяти жертв в коллективную память как ключевой этической поворот современных *memory studies*. Однако А. Ассман подчеркивает, что понятие *жертва* на сегодняшний день амбивалентно, в связи с чем память жертв также делится на героическую и травматическую – у каждой складываются свои практики и формы коммеморации, и основной проблемой травматической памяти жертв является отсутствие исторически сложившихся, устоявшихся мемориальных традиций и апробированных культурой форм ее рецепции, в связи с чем этот опыт сложнее находит доступ к коллективной памяти.

Вторая глава диссертационного исследования посвящена национальным особенностям немецкой *Erinnerungskultur*, специфике ее развития после 1945 года и особенностям западногерманской культуры памяти 1950-х годов. В первом параграфе «Развитие немецкой культуры памяти после Второй мировой войны» нами исследована немецкая *Erinnerungskultur* в ее историческом развитии: дана общая характеристика послевоенной немецкой культуры памяти в оккупационных зонах, проведено сравнение *Erinnerungskultur* в Германской Демократической Республике (ГДР) и Федеративной Республике Германии (ФРГ). В ГДР историческая память о Второй мировой войне оставалась практически неизменной на протяжении всего существования Восточной Германии и служила политическим целям. В ФРГ господствовал плюралистический подход к исторической памяти, а сама культура памяти изменялась, отвечая на общественные и государственные запросы. В связи с этим за основу современной немецкой культуры памяти берется история развития западногерманской *Erinnerungskultur*.

Мы рассмотрели различные периодизации западногерманской культуры памяти и проанализировали основные этапы ее развития: основными вехами в развитии западногерманской *Erinnerungskultur* стали рубеж 1950-1960-х годов, а также 1985 год. Формирование западногерманской культуры памяти прошло три основных этапа развития: 1) послевоенный период – с 1945 года до конца 1950-х годов, 2) период «поколения 1968-го года» и переход к критическому осмыслению

прошлого – с начала 1960-х годов до середины 1980-х годов, 3) современный этап развития культуры памяти – с 1985 года по настоящее время.

Во втором параграфе «Рецепция идеи «коллективной вины» в 1950-е годы» мы охарактеризовали концепцию коллективной вины немецкого народа, получившую широкое распространение после окончания Второй мировой войны. Идея коллективной вины зародилась в период проведения властями оккупационных зон политики демократизации и денацификации и стала одним из ключевых для послевоенного западногерманского общества понятий, особенно в среде западногерманских философов и интеллектуалов. Многие немецкие исследователи отвергали концепцию коллективной вины: Ханна Арендт писала об «организационной вине», связывая общественно-государственные структуры нацистского режима и коллективистской риторикой; Карл Ясперс отдавал предпочтение индивидуальному подходу к вине, выделив четыре ее типа (уголовная, политическая, моральная и метафизическая) и заявив, что необходимое немецкому обществу внутреннее духовное перерождение возможно, только посредством осознания моральной и метафизической типов вины (обе – индивидуальные); наконец, Ойген Когон делал акцент не на моральной, а на индивидуальной политической вине, выступал за «дифференцированную денацификацию», однако, по его мнению, признание и искупление политической вины за преступления нацистского режима должно было быть первым этапом преодоления прошлого, после которого требовалось информирование общества, его воспитание и, как результат, вовлечение в «здоровую» демократию. У большей части немецкого общества идея вины – как коллективной, так и индивидуальной – вызывала отторжение, что породило забвение и коллективное умолчание.

В третьем параграфе «Забвение и «коллективное умолчание» как ключевые характеристики культуры памяти ФРГ 1950-х годов» дана общая характеристика немецкой культуры памяти в ФРГ 1950-х годов: перечислены его основные черты; рассмотрено восприятие обществом в ФРГ результатов денацификационной политики; описано «скептическое поколение» 1945-го года, оказавшее наибольшее влияние на развитие культуры памяти на данном этапе; определены проявления

феноменов забвения и умолчания в западногерманской культурной жизни в первое послевоенное десятилетие. Охарактеризованные в третьем параграфе техники и формы забвения как одной из возможных реакций общества на культурную травму, применены к описанию коллективного умолчания, господствующего в западногерманском обществе стратегии памяти о Второй мировой войне. Мы предлагаем рассматривать коллективное умолчание 1950-х годов в ФРГ в некоторых случаях – как конструктивное и селективное забвение, в других – как охранительное, или совиновное. Форма забвения зависит от того, о какой части общества идет речь и насколько активно они поддерживали нацистский режим.

В четвертом параграфе «Жертвенный нарратив в западногерманской культуре 1950-х годов» рассмотрены понятия перспективы жертвы и жертвенного нарратива в отношении западногерманского общества и культуры 1950-х годов: забвение и умолчание, отказ от признания вины (коллективной и индивидуальной) позволили сформироваться особой перспективе жертвы, согласно которой жертвами воспринимали себя те слои западногерманского общества, которые по факту ими не являлись. Забвение 1950-х годов показало: тема войны не была полностью табуирована, а воспоминания о войне частично удалялись из общественной коммуникации. Избирательное забвение оставляло ту часть памяти о Второй мировой войне, в которой жертвами войны оказывались не пострадавшие от немцев государства, нации и социальные группы, а сами немцы, например, те, кто не мог противостоять режиму, немецкие беженцы, изгнанные с родных территорий, и даже бывшие нацистские преступники, страдавшие от несправедливости со стороны держав-союзниц.

В третьей главе диссертационного исследования мы рассмотрели проявления западногерманской культуры памяти 1950-х годов в творчестве участниц литературной «Группы 47» и определили их вклад в формирование и трансформацию образов национального прошлого в немецкой культуре.

Первый параграф «Художественная литература как источник памяти: «Группа 47» в культуре ФРГ и ее роль в развитии немецкой Erinnerungskultur» посвящен специфике художественной литературы как источника формирования

памяти: хотя литературу традиционно не относят к первичным источникам исторической информации, художественная литература, как и искусство в целом, способна сделать описываемый исторический опыт более доступным для читателя, близким и понятным ему (даже если произведение содержит художественный вымысел). Для послевоенной западногерманской культуры памяти одним из важнейших источников формирования стало творчество литературного объединения «Группа 47». Влияние «Группы 47» на развитие послевоенной немецкоязычной литературы неоспоримо, однако задачей объединения, по словам одного из его основателей Г.В. Рихтера, было не только художественное, но и содержательное обновление литературы. Под этим Г.В. Рихтер подразумевал переосмысление не только художественных возможностей языка и текста, но и опыта прошлого, проработку национального исторического опыта. В связи с этим неслучайна политическая ангажированность и активная гражданская позиция многих участников объединения: Е.А. Зачевский охарактеризовал это явление как «эмиграция в литературу» политических публицистов, которые видели в творчестве возможность влиять на настроения и умы граждан. Участники объединения писали на темы, говорить о которых в послевоенные десятилетия не было принято – война, нацизм, Холокост, послевоенная разруха, руины, что позволило объединению стать «оппозицией политике реставрации, ремилитаризации и реваншизма», утвердившейся после образования ФРГ. Развитие объединения практически полностью совпало с волнами развития немецкой культуры памяти после 1945 года: до начала 1950-х годов шло становление объединения, на 1950-е годы пришелся его расцвет, совпавший с периодом забвения в западногерманской культуре, а с 1961 года начался кризисный период в деятельности объединения, который привел к фактическому роспуску «Группы 47» в 1967 году.

Во втором параграфе «Память и забвение в творчестве участниц «Группы 47»» рассматривается место в литературном объединении женщин-участниц собраний «Группы 47», а также анализируется их отношение к проблемам памяти и забвения. Хотя за годы существования «Группы 47» количество женщин-

участниц встреч объединения уступает количеству мужчин-участников собраний (по данным, взятым из «Альманаха «Группы 47»», составленного Г.В. Рихтером), в 1950-е годы среди важнейших имен участников объединения выделяются и женские имена – например, И. Айхингер и И. Бахман. Также в первые годы существования объединения следует обратить внимание на фигуры И. Шнайдер-Ленгъель и Л. Ринзер.

В творчестве И. Шнайдер-Ленгъель сложнее всего выявить обозначенные тенденции из-за ее редкого участия на собраниях объединения с чтением собственных стихотворений, а также из-за отсутствия задокументированных фактов подобных выступлений. Имя Л. Ринзер также связано с деятельностью «Группы 47», но мы можем охарактеризовать эту связь как косвенную. Л. Ринзер принимала участие в отдельных собраниях объединения на рубеже 1940-1950-х годов и не снискала на этих встречах особого успеха. Однако Л. Ринзер – писательница, в чьем творчестве остро поднимаются как вопросы памяти в целом, так и проблема осмысления и проработки прошлого: отметим повесть «Ян Лобель из Варшавы», а также «Тюремный дневник», вобравший в себя заметки Л. Ринзер о ее пребывании в женской тюрьме в Траунштайне, где она оказалась по доносу и в которой писательница пребывала до конца 1944 года. С одной стороны, данные произведения обеспечили Л. Ринзер репутацию борца с нацистским режимом и участницы сопротивления (например, в повести «Ян Лобель из Варшавы» Л. Ринзер одной из первых в немецкоязычной литературе вводит в качестве протагониста фигуру поляка-еврея, оказавшегося в концентрационном лагере). С другой стороны, биография Л. Ринзер показывает, что та репутация, которую ей создали ее произведения второй половины 1940-х годов, не соотносилась со взглядами писательницы: до ареста и тюремного заключения Л. Ринзер открыто поддерживала НСДАП, в качестве сценариста работала с членами Национал-социалистической немецкой рабочей партии над пропагандистскими фильмами.

Ключевой категорией память становится в творчестве еще двух заметных участниц собраний «Группы 47» – Ильзе Айхингер и Ингеборг Бахман. Обе представляли на встречах объединения австрийскую литературу и национально

опосредованный взгляд на прошлое. Писательницы были признаны уже современниками, став единственными женщинами-лауреатами премии «Группы 47». И. Айхингер не только внедряла тему памяти в художественное творчество (в рассказы, радиопьесы, кинорецензии), но и осмысляла процесс памятования: писательницу волновали вопросы работы механизмов индивидуальной памяти. При этом И. Айхингер скептически относилась к феномену коллективной памяти, а также критиковала чрезмерное употребление понятия *жертва*, отмечая, что подобное злоупотребление ведет к его дезавуированию.

Для И. Бахман воспоминания – также один из центральных мотивов в творчестве, хотя активное осмысление писательницей категорий памяти и забвения наступит уже в зрелом творчестве, например, в романе «Малина» 1971 года. Если И. Айхингер интересуется взаимодействие визуального и мемориального, то И. Бахман, уже в 1950-е годы поставившая вопрос о невозможности вербального выражения, например, травматического опыта, соединяет память с музыкой и шире – звуком. Другими важными понятиями, тесно связанными с работой памяти в творчестве И. Бахман, становятся *травма* и *травматический опыт*, способы выражения для переживания которых И. Бахман ищет в аудиальных и интермедиальных возможностях текста.

В третьем параграфе «Культура памяти в творчестве И. Бахман 1950-х годов: коллективная идентичность, мотив эскапизма и бегства от вины и ответственности» мы подробнее остановились на творчестве австрийской писательницы И. Бахман, ставшей одной из ведущих фигур «Группы 47» в 1950-е годы. Как было отмечено во втором параграфе, заметный интерес к механизмам памяти проявляется в зрелом творчестве И. Бахман, однако отдельные произведения, созданные писательницей в 1950-е годы, демонстрируют, что уже в раннем творчестве она внесла заметный вклад в развитие культуры памяти как в ФРГ, так и в Австрии.

В параграфе рассмотрены две радиопьесы И. Бахман («Лавка снов» и «Цикады»), сборник стихотворений *Gestundete Zeit* и сборник рассказов *Das Dreißigste Jahr*, на примере которых прослеживается, какое отражение в творчестве

Бахман нашли ключевые тенденции послевоенной западногерманской культуры памяти. В творчестве 1950-х годов И. Бахман обращается к мотивам эскапизма и бегства от действительности, особенно ярко заметным в радиопьесах этого десятилетия. Однако эскапизм в произведениях И. Бахман создан не для бегства от реальности как такового (что прослеживается во многих радиопьесах ее современников), а как критика в отношении избегания действительности и ответственности за прошлое, что находит свое отражение в переосмысленном писательницей сюжете о превращении людей в цикад, который лег в основу одноименной радиопьесы 1955 года.

Другим важным мотивом в творчестве И. Бахман 1950-х годов становится вопрос коллективной идентичности и миф об Австрии как о жертве войны (схожий с аналогичным жертвенным нарративом в ФРГ, характеризовавшим культуру памяти Западной Германии 1950-х годов): например, осмысление сформировавшейся в Австрии после войны коллективной идентичности и критика в отношении коллективного молчания и забвения нашли отражение в рассказе *Unter Mördern und Irren*.

Четвертый параграф «Специфика образа жертвы в творчестве И. Айхингер 1950-х годов» исследует творчество И. Айхингер 1950-х годов. Как и И. Бахман, И. Айхингер в своих произведениях обращается к образу жертвы, однако если И. Бахман пытается развенчать национальный миф об Австрии как о первой жертве нацистского режима, то И. Айхингер обращается к конкретным образам жертв войны. В ее творчестве, например, в единственном романе «Великая надежда» и примыкающем к нему рассказе «Четвертые ворота», возникает образ (и память) жертвы, который не соотносится с характерной для послевоенного десятилетия культурой памяти. И. Айхингер становится одной из немногих писательниц, кто пишет о жертвах войны в прямом, буквальном смысле слова – а не о немцах (или австрийцах) как жертвах. Кроме того, в данных текстах представляется не просто перспектива жертвы, но еще и перспектива ребенка. Автор поднимает вопрос вины и в буквальном смысле невинности (невинности), и это роднит ее с творчеством Ингеборг Бахман, в частности, с рассказом *Jugend in einer österreichischen Stadt*.

Еще одним примером отражения подобного образа жертвы в творчестве И. Айхингер можно назвать радиопьесу «Пуговицы», метафорически изображающую процесс (само-)уничтожения узников концлагерей.

В **Заключении** изложены основные выводы проведенного исследования и очерчены перспективы дальнейшей работы.

1. На примере послевоенного западногерманского общества рассмотрен вариант развития национальной культуры памяти XX века, тяготеющей к негативной памяти, т.е. памятованию болезненных для национальной истории событий. Основой послевоенной западногерманской *Erinnerungskultur* стали память о Второй мировой войне и проработка вызванной ею культурной травмы.

2. Изучение историко-культурного контекста продемонстрировало, что в 1950-е годы память о войне не была полностью исключена из публичной коммуникации. Забвение в 1950-е годы носило частичный и амбивалентный характер, что позволяет утверждать, что уже в первое послевоенное десятилетие в ФРГ началась частичная проработка культурной травмы прошлого. Этап забвения был так же необходим западногерманскому обществу, как и период критического преодоления и осмысления, начавшийся с середины 1960-х годов и позволивший принять Холокост как неотъемлемую часть немецкого прошлого.

3. Одной из отличительных черт литературного объединения «Группа 47» была схожесть общественно политических взглядов и отношения к войне и памяти о ней. Парадоксальным образом творческий расцвет объединения, известного своим неконвенциональным для общества ФРГ 1950-х годов подходом к культуре памяти о Второй мировой войне, пришелся на период забвения памяти о прошлом.

4. Женщины, участвовавшие во встречах «Группы 47», имели иной жизненный опыт в годы войны в отличие от мужчин-участников объединения, что обусловило особенности отражения ими культуры памяти о войне в своем творчестве. Мужчины могли – иногда неосознанно – обращаться к собственному солдатскому опыту участия в боевых действиях, в то время как женщины-участницы, также опираясь на пережитое ими лично в годы войны, обладали иной памятью о войне и другим опытом ее проживания.

5. В произведениях участниц собраний «Группы 47» находят отражение основные тенденции культуры памяти ФРГ 1950-х годов (забвение, коллективное умолчание, жертвенный нарратив), но их творчество не подкрепляет сложившуюся в ФРГ *Erinnerungskultur*, а наоборот, активно ее критикует посредством активной репрезентации прошлого и демонстрации послевоенных «руин», критики забвения с точки зрения его влияния на будущее, активизации дискуссии о вине и ответственности, трансформации образов жертв и самого понятия жертвы.

6. Двумя главными женскими фигурами объединения в 1950-е годы являлись австрийские писательницы И. Айхингер и И. Бахман. В их творчестве репрезентация культуры памяти и восприятие прошлого происходят через национальную призму, обе писательницы поднимают вопросы сохранения австрийской национальной идентичности после Второй мировой войны, несмотря на то что проблемы западногерманской и австрийской культур памяти в 1950-е годы оказались схожими.

Перспективы дальнейших исследований культуры памяти ФРГ и ее отражения в творчестве авторов «Группы 47» могут быть связаны с вопросами национальных особенностей культур памяти ФРГ и Австрии, формирования коллективной идентичности посредством культуры памяти, трансформаций западногерманской культуры памяти в 1960-1970-е годы и вклада участников «Группы 47» в развитие западногерманской *Erinnerungskultur*.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

Научные статьи, опубликованные в журналах Scopus, WoS, RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.10.1

1. Мясникова К.А. Феномен *Erinnerungskultur* в Германии: становление, история развития, актуальное состояние // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12, № 1А. С. 89-99. DOI 10.34670/AR.2022.57.95.009. (Импакт-фактор РИНЦ 2022 – 0,146)
2. Мясникова К.А. Коллективное умолчание как ведущая стратегия западногерманской культуры памяти 1950-х годов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 2 (106). С. 14-25. DOI 10.24412/1997-0803-2022-2106-14-25. (Импакт-фактор РИНЦ 2022 – 0,422)
3. Мясникова К.А. Репрезентация прошлого как культурной травмы в творчестве Ингеборг Бахман 1950-х годов // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13, № 3-4А. С. 5-15. DOI 10.34670/AR.2023.55.90.001. (Импакт-фактор РИНЦ 2022 – 0,146)
4. Мясникова К.А. Трансформация немецкой послевоенной культуры памяти в творчестве авторов «Группы 47»: от забвения к проработке прошлого // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 4 (114). С. 46-56. DOI 10.24412/1997-0803-2023-4114-46-56. (Импакт-фактор РИНЦ 2022 – 0,422)

Статьи в журналах, в сборниках тезисов докладов и научных трудов:

5. Мясникова К.А. Развитие *memory studies* в России: направления отечественных исследований культуры памяти // Государственное управление и развитие России: проектирование будущего : Сборник статей международной конференц-сессии. — Т. 4. — Москва: Москва, 2022. — С. 108–116. (0,45 п.л.)
6. Мясникова К.А. Развитие немецкой культуры памяти (*Erinnerungskultur*) после Второй мировой войны // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2022» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2022.

7. *Мясникова К.А.* Воспоминания о Вене конца 1930-х годов в творчестве Ильзе Айхингер: топонимы как носители индивидуальной памяти (на материале рассказа «Kleist, Moos, Fasane») // Память как история и воображение: визуальная репрезентация в литературе и культуре : Тезисы докладов XIII межвузовской студенческой научной конференции / сост. В. Я. Малкина. — Москва, 2022. — С. 28–30. (0,15 п.л.)

8. *Мясникова К.А.* Своеобразие радиодраматургии Ингеборг Бахман 1950-х годов (на материале радиопьес Лавка снов, Цикады и Добрый Бог из Манхэттена) // Национально-культурные коды мировой литературы в контексте аудиовизуальных практик искусства. — Нижний Новгород, 2022. — С. 32–42. (0,55 п.л.)

9. *Мясникова К.А.* Реакция на культурную травму в западногерманской культуре 1950-х годов: забвение, «коллективное умолчание» и жертвенный нарратив // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2023» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2023.

10. *Мясникова К.А.* Литературный текст как источник формирования исторической памяти: творчество «Группы 47» в контексте развития немецкой Erinnerungskultur / К. А. Мясникова // Германистика-2022: nove et nova : Материалы V Международной научной конференции, Москва, 07–09 декабря 2022 года / Редколлегия: А.А. Клиновская [и др.]. – Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2023. – С. 217-220. (0,2 п.л.)

11. *Мясникова К.А.* Образ родного города как пространство памяти (воспоминания о Вене 1930-1940-х годов в творчестве И. Айхингер) // Память как история и воображение: коллективная монография / сост. и ред. В. Я. Малкина, А. В. Корчинский, С. П. Лавлинский. – Москва: Эдитус, 2023. – С. 89-94. (0,3 п.л.)